

есть деньги и кто не хочет развивать свою фантазию и совершенствовать свой интеллект в области костюма, это очень хороший выход из положения. Все имиджевые разработки на людях несовершенны. Не совпадает стиль. Есть общая формулировка «модный стиль», а стиля нет. Только сам человек может выработать свой стиль за счет постоянных тренингов.

Кто-то сейчас в России может претендовать на звание модного человека? В последнее время вижу очень много замечательных ребят, мужчин и девушек, одетых классно, стильно. У нас появился круг людей, который соответствует моим понятиям о красоте, элегантности, строгости стиля и роскоши. Правда, есть и кичевая роскошь — как жена Брынцалова, — вот это меня пугает. А строгий синий костюм в полоску, белоснежная сорочка, высокий воротник, роскошно завязанный галстук, заколка, запонки, отутюженные брюки, изысканная форма ботинка, шелковые носки, хорошая стрижка или напомаженные волосы, выбритое лицо или чуть небритое — есть такие ребята у нас. У нас женщины очень красивые, если они ухоженные. Я считаю, что будущее за нами, мы задушим Запад.

Как вы относитесь к пластической хирургии? Категорически не приемлю. Никогда в жизни не пойду на это. Если женщине это позволительно, то мужчинам категорически нет. Я просто не здороваюсь с такими.

«благодаря Люде Зыкиной и Тане Дорониной я полюбил полных женщин»

Вы работали со многими известными актерами и актрисами, как у вас с ними складывались отношения? Я начал со спектакля «Безумный день, или Женитьба Фигаро» в Театре Сатиры. Меня пригласили Валентин Плучек и Валера Левенталь. Я умирал со страху, потому что впервые увидел Веру Васильеву, Ширвиндта, Андрюшу Миронова. Когда я делал для Веры Васильевой корсет под платье, я стеснялся прикоснуться к ее груди. Она заметила это и сказала: «Слава, ну что вы переживаете, делайте так, как считаете нужным, главное, чтобы мне было удобно». Она меня сразу раскрепостила. Работать с Андрюшей Мироновым было огромным наслаждением, человек удивительно мобильный, коммуникабельный, порядочный. Была потрясающая встреча с Марией Ивановной Бабановой. В детстве во время войны я слышал ее божественный голос из репродуктора. И тут я у нее дома сижу, она меня угощает обедом и за мной ухаживает. Я ей говорю: «Мария Ивановна, это я за вами должен ухаживать». Она мне: «Славочка, я счастлива, что вы здесь, у меня». Я делал костюм для Любви Петровны Орловой в последнем ее фильме «Скворец и Лира». Лицо ее было замечательным, но руки уже были не такие молодые, поэтому приходилось продумывать, чтобы это было незаметно. Я шил сценический костюм для Клавдии Ивановны Шульженко. Я у всех бывал дома, был молодой и голый, они меня кормили. Было замечательное время — 70-е годы. Все эти замечательные женщины ко мне очень хорошо относились, потому что я был открыт для них, не диктовал, готов был угодить каждой, но так, чтобы это не разрушало продуманный мною образ. Поэтому, когда я чувствовал сопротивление, я извинялся и уходил.

Кроме сценических костюмов вы занимались также повседневным гардеробом актрис... Да, ко мне приходили Ангелина Степанова, Юлия Борисова, Таня Дорониная. Были трудности поначалу, поскольку фигуры не идеальные что у Люды Зыкиной, что у Тани Дорониной. Но я благодаря им полюбил полных женщин. У меня в последние годы клиенты — полные женщины. Я понял их суть, что они так же, как худые, полны страстей и желаний, поэтому их не надо прятать в мешки, просто нужно достойно оформить их полноту. Я не понимал этого тогда и считал, что женщина должна быть окружена таинственностью и прятаться в каскадах мягких складок.

«если я женщину уважаю, я ее «делаю»

В советское время жены высокопоставленных чиновников одевались на Кузнецком Мосту, а потом вдруг пошли к вам. Кто был первой ласточкой?

Первой ласточкой мог быть Брежнев. Меня пригласили в один из отделов на Старой площади и показали 50 галстуков одного — бордового — цвета и 50 унылых рубашек. Мне стало немножко не по себе, и я отказался. Были отдельные случаи, когда мне не понравилось, что ко мне отнеслись как к ремесленнику, как к рабу, и я передал все Саше Игманду. Он стал одевать членов ЦК. Позже была попытка встретиться с Раисой Горбачевой. Но она не очень, так сказать, меня радовала, не нравился мне стиль ее поведения и отношение к людям. В данном случае для меня авторитетов не существует. Если я женщину уважаю, я ее «делаю», так же как и мужчину. Были попытки меня «закадрить» со стороны Шеварднадзе. Но тоже было лишь коммуняцкий, и я ушел. С кем я получил истинное удовольствие от общения в последнее время — с Людмилой Александровной Путиной, которая была у меня на 40-летию творческой деятельности. Она досидела до конца трехчасового показа, сказала мне дивные слова. Я вдруг почувствовал в ней женщину, для которой моя коллекция была действительно праздником. Потом были встречи, консультации. Я был счастлив быть для нее полезным, потому что она мне очень понравилась как человек.

Если не секрет, что вы посоветовали жене президента? Я ей посоветовал носить классику.

А с чего начинается работа над образом? Первое, что я говорю: «Пошли на склад, посмотрим цвет». Идем на склад, набрасываю ей ткани. Потом начинаем стро-

ить форму, на примерке окончательно создается новый образ. Потом решаем, какие будут аксессуары, головной убор, обувь, и дальше идем причесываем и макияж делаем.

Вячеслав Михайлович, как вам удается всегда улыбаться, быть всегда подтянутым и бодрым? Однажды решил попробовать прийти в Дом моды в своем настоящем настроении. Кто-то меня обидел с утра, я пришел на работу и не улыбался никому. По Дому тут же разнеслось: «Зайцев болен».

Диет никаких, в основном бутерброды, булочки и плюшечки, ни разу не был в тренажерном зале. Я очень люблю жизнь, я всегда улыбался, меня в детстве звали «солнечным зайчиком». Даже когда очень плохо, подхожу к зеркалу, смотрю и говорю себе: «Заяц, ладно, все пройдет». ■■■■■■■■■■

Вячеслав Зайцев работал со многими известными актрисами. «Я был открыт для них, не диктовал, готов был угодить каждой, но так, чтобы это не разрушало продуманный мною образ». Художник моды с актрисами Максаковыми